

ТЕОРИЯ ТРЕХ ПРАГМАТИК Г.Г. ХАЗАГЕРОВА

THE THEORY OF THREE
PRAGMATICS BY G.G. KHAZAGEROV

S. Kleckaja

Summary: The poetic practices of Russian futurists have a distinct specificity from the point of view of the distinction proposed by G.G. Khazagerov between near, far, and deferred pragmatics. A characteristic feature of futurism is the activation of nearby pragmatics in the form of an outrageous attitude, which is not characteristic of traditional poetry. Far pragmatics in the context of futurism is realized negatively in the form of attitudes towards the creation of a new language and overcoming the language of the past, as well as in the deliberate destruction of the literary canon. Deferred pragmatics is realized as the formation of the author's image through the creation of a special language and active polemics with the literary tradition. Particular attention is paid to the inconsistency of the aesthetic project of futurism from the point of view of the three pragmatists theory.

Keywords: pragmatics, futurism, avant-garde, near pragmatics, far pragmatics, deferred pragmatics.

Клецкая Светлана Ильинична

кандидат филологических наук, доцент
Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону
kleckaja@inbox.ru

Аннотация: Поэтические практики русских футуристов обладают отчетливой спецификой с точки зрения предложенного Г.Г. Хазагеровым разграничения ближней, дальней и отложенной прагматики. Характерной чертой футуризма является активизация ближней прагматики в виде не свойственной традиционной поэзии установки на эпатаж. Дальняя прагматика в контексте футуризма реализуется негативно в форме установок на создание нового языка и преодоление языка прошлого, а также в сознательном разрушении литературного канона. Отложенная прагматика реализуется как формирование авторского образа посредством создания особого языка и активной полемики с литературной традицией. Особое внимание в статье уделяется противоречивости эстетического проекта футуризма с точки зрения теории трех прагматик.

Ключевые слова: прагматика, футуризм, авангард, ближняя прагматика, дальняя прагматика, отложенная прагматика.

Согласно Ч.У. Моррису, прагматика — это особый раздел семиотики, который изучает отношения между знаковыми системами и теми, кто их использует [12, р. 21–22, 43–54]. Это разграничение восходит к идеям Ч.С. Пирса, который, впрочем, называл соответствующую сферу семиозиса «формальной риторикой», изучающей «формальные условия силы символов» и «их способность апеллировать к разуму» [4, с. 106]. Современное лингвистическое понимание прагматики сложилось под определяющим влиянием фундаментальной работы Дж. Остина «Как совершать действия при помощи слов» [3], где разрабатывается понятие речевого акта (высказывания как действия, подчиненного коммуникативным и некоммуникативным целям).

Однако в плане описания мотивации, стоящей за речевой деятельностью, такой подход неполон. В этом отношении представляется ценной теория трех прагматик Г.Г. Хазагерова [8; 9; 10, с. 95–97], расширяющая представления о прагматическом измерении коммуникации за счет вовлечения аспектов, которые представляют собой «побочные эффекты» речевых действий, не охватываемые прагматикой в ее сложившемся понимании. В силу этого прагматику в трактовке Г.Г. Хазагерова можно охарактеризовать как «расширенную».

Г.Г. Хазагеров предложил идею «трехмерного пространства целей говорящего», в котором необходимо различать ближнюю, дальнюю и отложенную (продол-

женную) прагматики. Содержание лингвистической прагматики в ее понимании, восходящем к идеям Дж. Остина, в значительной степени совпадает с ближней прагматикой, хотя и несколько расширяет и как бы смещает традиционную трактовку. Ближняя прагматика охватывает не только типы конкретных коммуникативных действий, но и непосредственные цели коммуникативного взаимодействия, непосредственный эффект, который коммуникатор в текущих обстоятельствах стремится получить (убедить, побудить к конкретному действию, выделить сообщение, привлечь к нему внимание, вызвать эмоциональную реакцию и т.д.). Эти цели не выходят за пределы текущей коммуникативной ситуации.

Дальняя прагматика охватывает мотивацию, направленную на заботу о языке и коммуникативном пространстве, то есть об «общем коммуникативном благе» [9, с. 7]. Ее можно соотнести с такими явлениями, как языковая норма, качества хорошей речи (согласно классической схеме Теофраста, чистота, ясность, красота и уместность) и эталонные тексты. Инструменты дальней прагматики способствуют совершенствованию и гармонизации коммуникации, а следовательно, облегчают коммуникативное взаимодействие. Это можно показать на примере эталонных текстов. В целом соответствие высказывания качествам хорошей речи способствует решению текущей коммуникативной задачи, однако любое высказывание является еще и потенциальным образцом. Хорошая речь устанавливает эталоны и стандарты, обо-

гашает язык и поддерживает его богатство, в целом либо повышая уровень речевой культуры общества, либо способствуя сохранению ее высокого уровня. Наоборот, грубая, бедная речь, становясь образцом, потенциально снижает уровень речевой культуры, например, меняет характер норм или нивелирует возможности языка в плане выражения тонких оттенков смысла.

Отложенная (продолженная) прагматика охватывает эффекты, касающиеся самого коммуникатора, его образа, репутации. Она занимает промежуточное положение между ближней и дальней прагматикой (возможно, именно поэтому она была введена Г.Г. Хазагеровым позже, а в первых вариантах расширенной прагматики [8] присутствуют лишь ближняя и дальняя прагматики). Отложенная прагматика соотносится с выгодами, которые получает коммуникатор в ходе текущего взаимодействия, а потому тяготеет к ближней прагматике, укорененной в целях и интересах субъекта речи. Однако, с другой стороны, эти выгоды выходят за пределы текущего коммуникативного взаимодействия, формируя своего рода «коммуникативный капитал» говорящего. Продолженная (отложенная) прагматика реализуется в речевых стратегиях намеренного, целенаправленного конструирования образа адресанта. Г.Г. Хазагеров, мысля в рамках риторической коммуникации, склонен сводить отложенную прагматику к формированию репутации, но трактовка отложенной прагматики как формирования образа коммуникатора кажется более объемной и гибкой, так как говорящий в ходе коммуникативного взаимодействия способен намеренно стремиться к формированию отрицательного образа.

Характерное для лингвистики игнорирование аспектов коммуникации, относящихся к дальней и отложенной прагматике, закономерно. «Выпячивание» ближней прагматики обусловлено тем, что коммуникация нацелена прежде всего на решение текущих практических задач. В силу этого эффекты, не принадлежащие к сфере ближней прагматики, могут быть полностью не осознаваемыми, а если и осознаются, то лишь на более продвинутых этапах развития речевой культуры. По мере совершенствования речевой и коммуникативной культуры осознание аспектов коммуникативного взаимодействия, принадлежащих к дальней и отложенной прагматике, становится отчетливее. Как справедливо отмечает Г.Г. Хазагеров, такое осознание началось уже в античности в идеях, принципах и идеалах риторики.

Концепция трех прагматик Г.Г. Хазагерова, предлагая целостную и более глубокую модель поведения коммуниканта и вводя в рассмотрение факторы, которые лингвистической прагматикой традиционно игнорируются, предлагает системный взгляд на далекие друг от друга аспекты языка. Благодаря этому важному преимуществу данный подход способен обеспечить целостное и не-

противоречивое осмысление различных аспектов языковой системы и речевого поведения. В силу этого представляется важным применение идей, лежащих в основе расширенной трактовки прагматики, к специфичному речевому материалу, отличному от материала риторики и культуры речи, которые Г.Г. Хазагеров стремится осмыслить в первую очередь. Наследие русских футуристов как раз представляет собой такой чрезвычайно специфический речевой материал, решительно выходящий за пределы норм и установок не только обычного речевого общения, но и классического поэтического дискурса. При этом рассмотрение данного речевого материала с точки зрения теории трех прагматик способно дать значимые результаты в плане осмысления поэтического авангарда как особой лингво-эстетической системы и, в частности, выделить в художественной практике русского авангарда важные аспекты и моменты, которые не так очевидны при ее рассмотрении с точки зрения категорий традиционной прагматики.

Поэзия принадлежит к числу жанров и типов дискурса, в которых **ближняя прагматика** если не полностью, то в значительной степени редуцирована. Если воспользоваться выражением Г.Г. Хазагерова, поэзия в значительной степени свободна от «корыстных уз» ближней прагматики [8]. Поэзия обычно не утилитарна, не преследует непосредственных целей и потому типично выступает образцом хорошей (литературной, эстетичной, высокой и т. д.) речи. Уже в этом моменте проявляется специфичность литературной практики футуристов, которая всегда нацелена на отчетливую непосредственную реакцию. И.Ю. Иванюшина обобщает эту установку футуризма следующим образом: «Все уровни футуристического текста подчинены прагматической задаче: поразить, возмутить, эпатировать публику» [2, с. 197]. Об этой установке свидетельствует, например, название знаменитого сборника футуристов «Пощечина общественному вкусу», которое через метафорический образ пощечины выпукло выражает установку на эпатаж, провокацию. Характерным также является следующее заявление из манифеста «Новые пути слова» А. Крученых: «Прилизанные символисты ужасно боятся, что их не поймет публика («Огонька» и «Русской Мысли»), мы же радуемся этому! недалекие символисты все боятся как бы не сказать глупости бессмыслицы (с точки зрения тех же читателей)» [5, с. 84] (пунктуация источника сохранена. — К. С.).

Косвенным подтверждением усиления измерения ближней прагматики в художественной практике русского футуризма могут служить связи между дискурсами авангардной литературы, рекламы и PR, которые в ряде работ исчерпывающим образом проанализировала О.В. Соколова. Несмотря на различия, между этими дискурсами обнаруживается сильное взаимное влияние, которое проявляется в наличии общих черт и взаимном заим-

ствовании приемов (например, в тенденции к креолизации, активном использовании стилистических средств, в том числе редких и периферийных, разрушении связности и линейности текста) [6]. Это также свидетельствует о стремлении оказать воздействие, привлечь внимание, то есть об акцентировании ближней прагматики.

Впрочем, хотя стремление к прямому, непосредственному воздействию и немедленной реакции действительно роднит авангардное искусство с рекламой, реализуется оно в разных плоскостях. Если в рекламе, пропаганде и связях с общественностью акцент делается на побуждении к действию, которое должен совершить адресат, или изменении его картины мира, то в авангардной практике ожидаемый эффект все-таки принадлежит области эстетического восприятия и заключается в провоцировании интеллектуальных и эмоциональных реакций (шок, возмущение, осуждение, удивление и т.п.). Для поэзии в традиционном смысле этого слова подобная установка вряд ли характерна. Попытки поставить словесное искусство на службу революции (ср. позднюю поэзию В. В. Маяковского, графические эксперименты с визуальным измерением текста Э. Лисицкого) и сама идея соответствия искусства футуризма революционной эпохе также являются свидетельствами пересечения между художественными поисками и революционными лозунгами.

Установкам футуристов и их эстетической практике свойственно отчетливое измерение **дальней прагматики**, которое проявляется в одной из наиболее ярких черт — установке на реформирование языка и создание нового языка. В манифесте «Слово как таковое», подписанном А. Крученых и В. Хлебниковым, «язык стремительной современности» противопоставляется «прежнему застывшему языку», который будет неизбежно уничтожен [5, с. 79]. Согласно Хлебникову, словотворчество — враг книжного окаменения языка [5, с. 110]. В манифесте «Новые пути слова» создание нового языка осмысляется как создание новой формы, которая только и может выявить новое содержание [5, с. 88]. При этом отношение к «прежнему языку» не является нейтральным, и в манифесте «Пощечина общественному вкусу» прямо говорится о «непреодолимой ненависти к существовавшему языку» [5, с. 70].

Впрочем, практика футуризма в плане реформирования языка не отличалась ни единством, ни последовательностью (что во многом обусловлено специфической реализацией отложенной прагматики в поэзии футуристов, о чем будет сказано далее). Например, В. Хлебников в ряде статей («Учитель и ученик», «Наша основа» и др.) предлагает создать новый, универсальный язык, основанный на семантической интерпретации звуков и букв, а также принципе «внутреннего склонения», в соответствии с которым изменение отдельного звука

в слове создает новое слово. Посредством последнего метода он создает такие ряды, как *дворяне — творяне, правда — нравда, боец — поец — ноец — моец, чудеса — времеса — худеса — судеса — инеса — тихеса* [5, с. 109]. Эти заявления не являются абсолютно голословными и воплощаются в поэтической практике. В качестве примера можно привести короткое стихотворение 1921 года: *И вечер темец, // И тополь земец, // И мореречи, // И ты, далече!* [11, с. 127]. В нем в соответствии с этим принципом от существительного *немец* образуются слова *темец* и *земец* (слово *земец* в этом контексте определенно следует толковать как неологизм Хлебникова, поскольку его толкование как обозначения земского деятеля проблематично). Отметим, что «скрытое» таким образом слово *немец*, актуализирующее свою внутреннюю форму («не способный говорить»), по контрасту перекликается с неологизмом *мореречи*, своего рода антонимом для обозначения немоты, превращая это маленькое стихотворение в лирический шедевр.

Однако необходимо иметь в виду, что язык будущего у Хлебникова фактически тождествен языку далекого прошлого, а следовательно, создание языка будущего равнозначно реконструкции древнего языка; этот язык Хлебников противопоставляет современному языку — деградировавшему, «испорченному» варианту живого языка древности, ср.: «Заумный язык — значит находящийся за пределами разума. <...> То, что в заклинаниях, заговорах заумный язык господствует и вытесняет разумный, доказывает, что у него особая власть над сознанием, особые права на жизнь наряду с разумным» [5, с. 111]. Кроме того, представления поэта о языке будущего менялись, и от опоры на гипотетический «праязык» он перешел к опоре на число, что привело к радикальной перестройке его представлений (подробнее см. [1]). Последний факт однозначно свидетельствует об отсутствии последовательности даже в рамках одной поэтической системы, во многом обусловленной слабостью «теоретических» предпосылок, из-за которой реформирование языка не могло не остаться проектом.

Поиск новизны касается не только языка как лингвистической структуры, но и поэтического языка как эстетического явления. Такие характерные для футуризма языковые практики, как активная эксплуатация периферийных возможностей языковой системы (например, в плане словообразования), отказ от ритмической структуры традиционного стиха, эксперименты с текстовой графикой, попытки синтезировать поэзию с другими родами искусства (живописью, музыкой), имеют прежде всего эстетическую нагрузку.

Едва ли не самой известной манифестацией отношения к традиции является призыв «бросить Пушкина, Достоевского, Толстого и проч. с Парохода современности» из коллективного манифеста «Пощечина общественно-

му вкусу» [5, с. 65]. Эти слова толкуют подчас ошибочно, понимая их как полное отрицание канона и «неуважение к классике». Однако более верной кажется другая интерпретация, в соответствии с которой речь идет о создании нового канона, который в большей степени соответствует духу времени, чем искусство классической эпохи. Речь не идет об отрицании классики как таковой: широко известны работы А. Крученых, в которых он дает комплементарную характеристику наследию А.С. Пушкина. Речь идет о том, что классика несовременна, символом же современности, которой поэзия должна соответствовать, как раз и является образ парохода, то есть воплощения технического прогресса.

Эту установку удачно описывает В.В. Фещенко, сводя различие между классическим и авангардным произведением к тому, что «первое создается по определенному извне (традицией, нормативной грамматикой, стиливыми маркерами) канону, тогда как последнее учреждает некий внутренний закон» [10, с. 63]. Однако, с другой стороны, отрицание канона через реализацию имманентных самому произведению эстетических и конструктивных принципов оборачивается утверждением нового канона, и единственный способ преодоления этого нового канона заключается в его повторном отрицании. Последовательное проведение установки на новизну языка невозможно без постоянного обновления, постоянного поиска новых приемов и средств, что очевидно противоречит устойчивости новой системы. Установка на абсолютную новизну каждого высказывания не только разрушает общий язык и литературный канон, но и оказывается опровергающей саму себя.

С этой точки зрения языковые практики футуристов, несмотря на стремление к созданию нового языка, противоречат дальней прагматике как таковой. Любое реформирование языка, а тем более реформирование радикальное скорее усложняет коммуникацию, чем ведет к появлению некоего нового языка. Язык — это конвенциональное средство, общее для всех коммуникантов, и именно поэтому он выполняет свою коммуникативную функцию. Языковые и эстетические установки футуристов и, шире, представителей литературного авангарда отрицают свойства языка как относительно устойчивой и разделяемой разными людьми системы и в лучшем случае ведут к формированию идиолекта, то есть индивидуального языка.

В плане **отложенной прагматики** авангардные поиски характеризуются двумя основными чертами. Первая черта связана с особыми аспектами языковых практик, которые ранее были описаны в связи с обсуждением измерения ближней прагматики, вторая черта — с установкой на создание индивидуального поэтического языка.

Ярко ненормативное поведение поэта-авангардиста

направлено не только на непосредственный эффект, но и на обретение славы, популярности, скандальной известности, узнаваемости и т.п. Это поведение осознанно. В результате этого нагрузка, создаваемая ближней прагматикой, дополняется измерением отложенной прагматики. Отметим, что поэтика авангарда подтверждает обоснованность опоры на понятие образа: авангардист намеренно формирует свой образ, но это не репутация в смысле положительного, благоприятного образа — речь идет о скандальном, эпатазирующем образе, идущем вразрез с ожиданиями публики и традицией. Название одного из самых известных сборников футуризма «Пощечина общественному вкусу» является ярчайшей манифестацией этой установки.

Другая существенная черта языковых практик футуризма в сфере отложенной прагматики связана с идеей индивидуального поэтического языка. Например, в «Декларации слова как такового» формулируется мысль о том, что художник волен выражаться не только общим языком (то есть посредством «понятий»), но и личным языком, который подчеркивает индивидуальность творца [5, с. 71]. Различия между поэтическими языками, например, В. Хлебникова, В. Маяковского и А. Крученых со всей очевидностью иллюстрирует важность индивидуального измерения, однако интересы поэтов, разумеется, выходили далеко за пределы стилистической оригинальности. Прямолинейным примером индивидуального языка, реализованного средствами зауми, может служить стихотворение В. Хлебникова «Личный язык», написанное им в 1921 году [11, с. 248]. Первая строфа этого стихотворения, состоящего из пяти строф, выглядит следующим образом: *Гзи-гзи, зосмерчь! // Пак, пак, кво! // Лиоэли! Лиоэли! // Пактр, Пакрт, тво // Мимо эми! // Ку!* Единственным выражением, понятным носителю русского языка, является последняя строка стихотворения: *Это море.*

На первый взгляд, индивидуальный язык выражает установку на реформирование общего языка, а потому воплощает дальнюю прагматику. Однако идиолект всегда выделяет его носителя, противопоставляя как носителям общего языка, так и носителям других идиолектов. Следовательно, установка на создание индивидуального языка напрямую затрагивает измерение отложенной прагматики. Индивидуальный язык (идиолект) характеризуется акцентом на языковой личности, которая его создает и использует. В этом смысле идиолект противоречит не только ближней, но и дальней прагматике. Достижение целей ближней прагматики — по крайней мере, в обычном представлении, то есть оказание воздействия посредством смысла, — при его помощи затруднительно, поскольку этот язык не является общим (общепонятным), а это создает более или менее значительной трудности для коммуникации; целям дальней прагматики идиолект также противоречит, поскольку

намеренное создание идиолекта сопряжено с разрушением, искажением общего языка, а сам идиолект понимается как отличительная, индивидуализирующая, уникальная черта его создателя, а в пределе — как его «собственность». В этом отношении нельзя не учесть установки авангардистов на уникальность создаваемых ими текстов (и стоящих за ними языков), что имеет следствием конфликт идиолектов. Более того, установка на эксперимент приводит к невозможности «стабилизации» идиолекта, поскольку автор в погоне за новизной вынужден вступать в своеобразное соперничество с самим собой, преодолевая принципы и приемы, выработанные ранее им самим, то есть создавать свой идиолект заново. Отчасти это можно увидеть на примере упомянутых ранее языковых исканий В. Хлебникова.

Теория «расширенной» прагматики представляет собой концептуальный инструмент, применимость которого выходит за пределы проблематики риторики и культуры речи. Художественная практика футуристов и стоящие за ней установки обладают отчетливой спецификой в каждом из измерений «трехмерного пространства говорящего». Такие яркие черты языковых практик футуризма, как активные языковые эксперименты, в планах ближней, дальней и отложенной прагматики получают отчетливую функциональную нагрузку. При этом становится видна определенная перестройка поэтической практики: в поэзии русских футуристов происходит усиление измерения ближней прагматики, реализующейся как стремление привлечь внимание, вызвать эстетический шок, удивить и т.д. Для поэзии в «классическом» понимании подобный акцент на непосредственном эффекте в такой же степени не характерен.

При анализе эстетических установок футуризма и, шире, авангарда с позиций «расширенной» прагматики

становится очевидной их противоречивость. Доминанта авангардных поисков — новизна языка, новизна формы — с точки зрения теории трех прагматик полифункциональна, но функции, которые получают соответствующие явления в каждой из сфер, вряд ли совместимы. Со стороны самих футуристов новизна языка в контексте ближней, дальней и отложенной прагматики осмысливается соответственно как средство эпатажа, создание нового языка и создание индивидуального языка, отличающего поэта от его предшественников и современников, — цели, которые одновременно и с одинаковой эффективностью достигнуты быть не могут. Активное нарушение языковых норм и конвенций способно обеспечить лишь «эгоистичные» и сиюминутные ближние и отложенные эффекты (привлечение внимания к тексту и его автору), но не полноценную коммуникацию, поскольку акцент на новизне формы нивелирует смысловой аспект. Любое отклонение от узуса и нормы затрудняет передачу информации, лишает текст его «прозрачности»: чтобы понять текст, необходимо сначала освоить язык, на котором этот текст был создан. По тем же причинам создание нового языка (в любом смысле, то есть и уникального идиолекта, и нового инструмента общения, и нового поэтического языка) не только ставит под сомнение его эффективность в качестве средства реализации целей ближней прагматики, но и противоречит естественным установкам дальней прагматики, то есть заботе об общей речевой среде. Наконец, создание нового (более чистого, совершенного, современного и т.п.) языка, понимаемое как забота о речевой среде, несовместимо с абсолютным новаторством формы и уникальностью голоса поэта, так как любые языковые структуры эффективны только при условии их конвенциональности, то есть новаторского начала должны быть лишены.

ЛИТЕРАТУРА

1. Байдин В. Языковая утопия Велимира Хлебникова // Вопросы литературы. 2007. № 6. С. 51—82.
2. Иванюшина И.Ю. Русский футуризм: идеология, поэтика, прагматика. Саратов: Изд-во Саратовского университета, 2003. 452 с.
3. Остин Дж. Как совершать действия при помощи слов? // Остин Дж. Избранное. М.: Идея-пресс, Дом интеллектуальной книги, 1999. С. 11—135.
4. Пирс Ч.С. Избранные философские произведения. М: Логос, 2000. 448 с.
5. Русский футуризм. Стихи. Статьи. Воспоминания. СПб.: ООО «Полиграф», 2009. 832 с.
6. Соколова О.В. Типология дискурсов активного воздействия: поэтический авангард, реклама и PR. М.: Гнозис, 2014. 304 с.
7. Фещенко В.В. Лаборатория логоса. Языковой эксперимент в авангардном творчестве. М.: Языки славян. культур, 2009. 198 с.
8. Хазагерев Г.Г. Ось интенции и ось конвенции: к поискам новой функциональности в лингвокультурологических исследованиях // Социологический журнал. 2006. № 1/2. С. 40—62.
9. Хазагерев Г.Г. Риторический манифест. Ростов-на-Дону: Издательство Ростовской риторической школы, 2020. 45 с.
10. Хазагерев Г.Г. Телеологический смысл и социальная роль классификации риторических фигур // Вестник РУДН. Серия: Лингвистика. 2016. Т. 20. № 3. С. 89—102.
11. Хлебников В. Собрание сочинений: В 6 тт. Т. 2. Стихотворения 1917—1922 годов. М.: ИМЛИ РАН, «Наследие», 2001. 608 с.
12. Morris Ch. Writings on the General Theory of Signs. The Hague, Paris: Mouton, 1971. 486 p.

© Клецкая Светлана Ильинична (kleckaja@inbox.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»